

ТАЙВАНЬ ГЛАЗАМИ ВОЕННЫХ АНАЛИТИКОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ: ТАКТИКА, СТРАТЕГИЯ, ГЕОПОЛИТИКА

© 2026

В. Э. Молодяков¹

Российская империя не участвовала в соперничестве «великих держав» за Тайвань во второй половине XIX в., однако он попал в поле зрения её военных аналитиков. Триггером интереса послужила японская интервенция на «прекрасный остров» в 1874 г., указавшая на наличие нового актора в регионе. Российские военные моряки Владимир Африканович Терентьев (1840–1910) и Павел Иванович Ибис (1852–1877) не только собрали подробную и достоверную информацию о Тайване, но лично посетили его, после чего представили ценные отчёты о проделанной работе. Оценив ситуацию тактически, они смогли сделать стратегические выводы на перспективу. Данный Ибисом анализ ситуации отличался правильным пониманием влияния внутривосточных факторов на действия Японии. После перехода острова во владение Японии в 1895 г. военный агент в Китае и Японии Константин Ипполитович Вогак (1859–1923) проинформировал начальство о планах новых хозяев по «замирению» Тайваня. Оценивая итоги японо-китайской войны 1894–1895 г., включая превращение Тайваня в японскую колонию, Иосиф Владиславович Ржевуский (1870–1933) и Вячеслав Александрович Карликов (1871–1937) указали на возможные последствия изменения ситуации, однако геополитический анализ роли Тайваня с точки зрения военной аналитики в России будет дан только в советский период.

Ключевые слова: Россия, Тайвань, Япония, «великие державы», интервенция, экспансия, японо-китайская война 1894–1895 гг.

Для цитирования: Молодяков В. Э. Тайвань глазами военных аналитиков императорской России: тактика, стратегия, геополитика. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 66–73. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-066-073

TAIWAN AS SEEN BY MILITARY ANALYSTS OF IMPERIAL RUSSIA: TACTICS, STRATEGY, GEOPOLITICS

Vassili E. Molodiakov

The Russian Empire did not participate in the rivalry of the ‘great powers’ for Taiwan in the second half of the 19th century, however, it came into the view of its military analysts. The trigger for interest was the Japanese intervention on the ‘beautiful island’ in 1874, which indicated the presence of a new actor in the region. Russian naval officers Vladimir A. Terentyev (1840–1910) and Pavel I. Ibis (1852–1877) not only collected detailed and reliable information about Taiwan, but also personally visited it and presented valuable reports. Having assessed the

¹ Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, dottore68@mail.ru
Vassili E. Molodiakov, DSc (Political Science), Visiting Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dottore68@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5892-0473

situation tactically, they were able to draw strategic conclusions for the future. Ibis' analysis of the situation was characterized by a correct understanding of the influence of domestic political factors on Japan's actions. After the island came under Japanese control in 1895, the military agent in China and Japan Konstantin I. Vogak (1859–1923) informed the authorities about the new rulers' plans to 'pacify' Taiwan. Assessing the results of the First Sino-Japanese War of 1894–1895, including the transformation of Taiwan into a Japanese colony, Iosif V. Rzhnevsky (1870–1933) and Vyacheslav A. Karlikov (1871–1937) pointed out the possible consequences of the changing situation; however, a geopolitical analysis of Taiwan's role from the perspective of military analytics in Russia would be provided only in the Soviet period.

Keywords: Russia, Taiwan (Formose), Japan, "great powers", intervention, expansion, First Sino-Japanese war of 1894–95

For citation: Molodiakov V. E. Taiwan as Seen by Military Analysts of Imperial Russia: Tactics, Strategy, Geopolitics. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 3. Pp. 66–73. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-066-073

«Тайвань всегда привлекал завоевателей. Китайцы, португальцы, испанцы, голландцы, французы, японцы поочерёдно пытались его захватить», — писал в 1924 г. французский военный аналитик Ж. Ребуль, указывая на стратегическую важность острова и тактические трудности в овладении им [Reboul, 1924, p. 3]. Соперничество «великих держав» за Тайвань приобрело конкретные формы в середине XIX в., после и в результате первой англо-китайской (опиумной) войны 1840–1842 гг., выйдя на государственный уровень, тогда как ранее там действовали частные компании. Речь шла об открытии острова для международной торговли, начало чему положили Тяньцзинские договоры 1858 г., по которым иностранцы допускались в четыре порта Тайваня [Тодер, 1978, с. 69–123] [Gordon, 2007, pp. 19–75]. «Изолированный остров вне побережья Китая, без сильного китайского военного присутствия и политического контроля, Тайвань был открыт для освоения заинтересованными силами или странами, искавшими финансовых или политических выгод. [...] Несмотря на растущий интерес иностранных держав к Тайваню, Китай ещё не оценил стратегическое и коммерческое значение острова и не принял должных усилий к закреплению контроля над ним» [Gordon, 2007, pp. 1, 77]. Потенциальное военное значение Тайваня также было осознано не сразу.

Российская империя не участвовала в торгово-экономическом соперничестве за «прекрасный остров», лежавший в стороне от её «караванных путей». Закономерно, что первыми из россиян на него обратили внимание военные моряки. В августе 1862 г. в Цзилуне сделал остановку корвет «Рында» с целью пополнить запасы угля: командир корабля обратил внимание на то, что уголь здесь оказался в три раза дешевле, чем в Гонконге [Хохлов, 1993, с. 125]. Триггером серьёзного интереса стала японская интервенция на Тайване в 1874 г. — «военная экспедиция, снаряжённая японским правительством на о[стров] Формозу для наказания жителей острова за убийство японцев», как она официально называлась в дипломатической переписке [Головачёв, 2024, с. 453].

Японская интервенция на Тайване (яп. *Тайван сюппэй*) в мае-июне 1874 г. стала реакцией на убийство в декабре 1871 г. рыбаков с островов Рюкю, потерпевших крушение у юго-восточного побережья острова, аборигенами из племени Боотанг («Муданьский инцидент»; яп. *Ботанся дзикэн*). В то время королевство Рюкю признавало своим сюзереном цинский Китай и князя Сацума с острова Кюсю, но после консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868) состояло в дипломатических отношениях с Японией. В октябре 1872 г. Токио в одностороннем порядке объявил, что Рюкю является не государством, а частью Японии как отдельная территориальная единица, так что его подданные являются японскими подданными. Смысл интервенции на Тайвань заключался не только в том, чтобы продемонстрировать свою силу «великим державам», но и в том, чтобы вынудить

все стороны считать Рюкю частью Японии (окончательно аннексия завершилась лишь в 1879 г.). Япония потребовала от Китая официальных извинений и компенсации, а не получив удовлетворения по дипломатическим каналам, высадила войска на юге Тайваня и провела карательную операцию против аборигенов. Инцидент был урегулирован: Япония вывела войска с острова в обмен на уплату репараций.

С 1870 г. в распоряжение российского посланника в Пекине была назначена канонерская лодка «Горноста́й». В 1874 г. дипломатическую миссию возглавлял посланник Евгений Карлович Бюцов (1837–1904), а лодкой командовал капитан-лейтенант Владимир Африканович Терентьев (1840–1910).

Даже краткая справка о Бюцове показывает, что он был компетентным и в международных отношениях, и в местных, китайских и японских, делах. После окончания Александровского лицея в 1856 г. он получил пост секретаря по дипломатической части при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьёве и участвовал в переговорах с Китаем, завершившихся заключением Айгунского договора (1858). Бюцова оценили и пригласили в Министерство иностранных дел. С 1862 г. он служил на Дальнем Востоке: в 1862–1865 гг. — консул в Тяньцзине, в 1865–1869 гг. — консул в Хакодате (единственное российское дипломатическое представительство в Японии), в 1869–1870 гг. — поверенный в делах в Китае, в 1871–1873 гг. — первый русский консул в Иокогаме и поверенный в делах России в Японии после перенесения миссии из Хакодате в Токио. Назначенный в марте 1874 г. посланником в Цинской империи, он прослужил в этой должности девять лет.

Капитан-лейтенант Терентьев ещё ничем не прославился, но за пять лет командования «Горноста́ем» в 1873–1878 гг. достаточно зарекомендовал себя, чтобы получить назначения заведующим арктической подготовкой Сибирского флотского экипажа в 1878–1884 гг. и представителем Добровольного флота во Владивостоке в 1884–1904 гг. Закончивший службу в звании контр-адмирала, Терентьев был разносторонне образованным человеком и стал одним из создателей Общества изучения Амурского края. Опыт исследования Тайваня оказался для него «боевым крещением» в качестве аналитика. Видным военным востоковедом был и его старший брат Михаил, закончивший службу в чине генерал-лейтенанта Генерального штаба [Басханов, 2005, с. 233–236].

Бюцов отправил Терентьева на Тайвань «для собрания сведений, как о том, делаются ли какие-либо военные приготовления китайцами, так и о действиях японцев», о чём 24 мая / 5 июня 1874 г. докладывал министру князю А. М. Горчакову [Головачёв, 2024, с. 452–453]. Отправить было более некого, но командир «Горноста́я» оправдал доверие в превосходной степени. 4 / 16 сентября в докладе директору Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухову посланник лаконично и по существу изложил отчёт Терентьева [Головачёв, 2024, с. 453–455]. В. Ц. Головачёв опубликовал не только доклад Бюцова, но и приложенную к нему «выписку из отчёта» Терентьева (оригинал пока не найден) — первый российский письменный источник о Тайване, созданный человеком, который лично побывал там [Головачёв, 2024, с. 455–471] (далее цит. по этому источнику без ссылок). Выдержки из рапорта были без ссылок на источник (по причине секретности?) напечатаны в ряде петербургских газет, но изучение его полного текста только начинается [Головачёв, Емелин, 2026].

Терентьев не ограничился «собрани[ем] сведений, как о том, делаются ли какие-либо военные приготовления китайцами, так и о действиях японцев», как ему поручил Бюцов (в отчёте есть описания японского военного лагеря и лазарета, китайского военного лагеря и флотилии, включая характер вооружения и личного состава), но представил то, что позднее называли «справка». После подробной физико-географической и этнографической характеристики острова, включая описание, в том числе с военной точки зрения, города Тайвань-фу (совр. Тайнань), который он посетил лично, автор привёл данные о торговле на Тайване, полученные от таможенных чиновников,

и сделал вывод: «Формоза даже в руках китайцев способна служить для поддержки бюджета в государстве, что особенно известно японскому правительству, в последнее время реформ и войн нуждающе[му]ся в новых источниках доходов». Затем он перешёл к морской стороне дела, имевшей как экономическое, так и военное значение.

Описывая остров, Терентьев отметил следующие моменты, важные в тактическом и в стратегическом отношении: «Западный берег Формозы имеет 3 удобных гавани, во всякое время доступных для коммерческих судов среднего углубления 13 фут[ов]: Тамсуй, Такау-кон (совр. Гаосюн — В.М.) и Тон-конг (совр. Дунган — В.М.). [...] Близость превосходной гавани Макунг (совр. Магун) на Пескадорском острове Понгу делает возможным нагрузку и перегрузку на каботажные суда, которые затем везут товары в Тай-вань-фу, производить спокойно и комфортабельно. [...] Бухта Тон-конг есть только устье реки, судоходной на две мили от берега для судов до 17 фут[ов] углубления. [...] Если впоследствии здесь будет открытый порт Китайский ли или Японский, — торговля должна значительно оживиться, так как река судоходна для глубоких судов и пароходов, что составляет слабую сторону всех остальных гаваней Формозы, исключая Келунга (также Килонг; совр. Цзилун — В.М.)».

Терентьев анализировал ситуацию «на будущее». Во время франко-китайской войны 1884–1885 гг. к таким выводам придёт командующий французской эскадрой вице-адмирал А. Курбе, указавший на стратегическую важность Магуна и контроля над Пескадорскими островами, по сравнению с которыми не столь важен даже Цзилун, менее пригодный для стоянки крупных кораблей [Garnot, 1894, pp. 35–36, 97–98]. Информацию о действиях японцев Терентьев получил лично от контр-адмирала Акамацу Нориёси, позднее снискавшего известность как «отец японского судостроения». Из разговора с ним командир «Горностая» «заключ[ил], что остров ими оценён со всех сторон и признан заслуживающим экспедиции» как затратного мероприятия, и поставил вопрос: «Посмотрим, могут ли японцы удержаться на этом острове».

Заслуживает внимания предпринятое Терентьевым сравнение формозской кампании японцев и абиссинской кампании англичан 1867/68 гг.: вторую он полагал образцом для первой, сделав вывод: «Новейшие военные принципы усвоены японцами». Автор продемонстрировал стратегическое мышление: захват Тайваня в 1874 г. не был стратегической целью японцев, хотя ранее они пытались объявить часть острова, не контролируемого цинским правительством, «бесхозной» и потенциально подлежащей колонизации. Об этом Бюцову ещё в начале 1873 г. говорил глава внешнеполитического ведомства Соэдзима Танэтоми, подчеркнувший: «Утверждения европейского владычества на острове мы никак не можем допустить и потому предпочитаем предупредить возможность его». Позднее Соэдзима выражался осторожнее, но Бюцов продолжал считать «главной целью утверждение японского владычества на острове» [Хохлов, 1993, с. 126]. Полагаю, в таком духе посланник инструктировал Терентьева. По результатам увиденного тот констатировал, что японцы «смотрят на свой лагерь на Формозе не как на бивак, а как на колонию», добавив, что «войска экспедиции не просто зауряд, а нечто избранное». Наблюдение о том, что «население Формозы (китайское) совершенно безучастно смотрит на успех японцев и ничего не имеет против дальнейшего их движения», вероятно, восходит к японским источникам [Дела на Формозе, 1874].

Даже частичный переход контроля над Тайванем из рук китайцев в руки японцев привёл бы к изменению военно-стратегической и политической ситуации в регионе. Терентьев сделал вывод, что войны между Японией и Китаем из-за Тайваня не будет: «Столкновение немыслимо, если принять в соображение китайскую мудрость, с одной стороны, и такт японцев, с другой. Именно такт японцев должен не допустить открытой войны с Китаем, как со страной, умеющей делать уступки в территории за незначительное денежное вознаграждение, но неохотно отворяющей сундуки свой казны для выдач. [...] Японцы, по своей слабости, должны ограничить войну только отдалёнными

островами и вообще крайними точками Китая. Где Китай может без большого напряжения сосредоточить массу войск, там японцам делать нечего». События следующих десятилетий показали, что капитан-лейтенант был не только сведущим тактиком и стратегом, но и умел мыслить в категориях того, что позже называли геополитикой.

Морским офицером был и пионер российского тайваневедения — корпуса флотских штурманов прапорщик Павел Иванович (Пауль Юган) Ибис (1852–1877) с корвета «Аскольд». В. Ц. Головачёв детально реконструировал историю недолгой, но богатой событиями жизни Ибиса и републиковал его сочинения [Головачёв, 2019] (далее цит. по этому источнику без ссылок) [Головачёв, 2024, с. 40–51, 472–483]. Его главная работа «Экскурсия на Формозу» имела географический и этнографический, частично экономический характер, но в первом разделе автор привёл данные о портах Тайваня, важные в тактическом и в стратегическом отношении: «Берега Формозы бедны хорошими портами. Это одна из причин, почему её внутренность ещё так мало эксплуатирована и торговля так незначительна. По всему западному берегу только один Такао годен для навигации в продолжение круглого года, и то для судов, сидящих не глубже 14 фут[ов]. В Тай-ван-фу совершенно открытый рейд, где только от декабря до марта безопасная стоянка. [...] Килонгская бухта имеет только в начале достаточную глубину для больших судов».

В статье, опубликованной в специализированном отечественном журнале «Морской сборник», Ибис дал детальное профессиональное описание китайской канонерской лодки «Фу-зинг» (совр. «Фу-син»), на которой он прошёл из Килунга в Тамсуй (совр. Даньшуй) [Головачёв, 2019, с. 182]. Однако, как указал автору этой статьи В. Ц. Головачёв, данный эпизод и детальное описание китайского форта в Танг-Канге [Головачёв, 2019, с. 141–142] были изъяты Ибисом из немецкоязычной версии статьи в журнале «Глобус» — вероятно, сознательно.

Путешествуя по югу Тайваня, Ибис обратил внимание не только на действия побывавших здесь японцев (о них он писал саркастически, в отличие от дистанционно восторгавшегося «армией цивилизации» француза Эдмона Плошю [Головачёв, 2024, с. 41–42] [Молодяков, 2022] [Молодяков, 2023]), но и китайцев, стремившихся предотвратить дальнейшие осложнения в отношениях с «великими державами» из-за «дикарей» и «пиратов». «Только что миновавшая опасность потерять часть Формозы понудила китайцев энергичнее приняться за формозцев, особенно же за беспокойных жителей южной оконечности острова. [...] На южной Формозе опять война; но чем она кончится — неизвестно. Китайское войско, хоть и многочисленно, но лишено всякой энергии и патриотизма; туземцами же, кроме личной храбрости, руководит ещё справедливый принцип самосохранения». Военно-этнографический вывод, сделанный в 1875 г., подтвердился в ходе «замирения» острова японцами двадцать лет спустя и в столкновениях с аборигенами на протяжении следующих десятилетий. Подобно Терентьеву, Ибис считал, что японцы «видели пред собою уже новую колонию, новые доходные и тёплые места», но «вскоре эта приятная перспектива рушилась». Здесь он тоже заглядывал в будущее.

В статье «Формозский вопрос между Китаем и Японией» Ибис, находясь в Нагасаки, проанализировал действия Японии, исходя из внутривосточной ситуации. «Национальная гордость требовала войны, и японцы уже заранее готовились к этому. [...] Правительству нужна была война: от быстрых и бесконечных реформ последнего времени кружились у всех головы; весь народ находился в каком-то лихорадочном состоянии, которое ещё усилилось прошлогодним восстанием в Саге, близ Нагасаки²; [...] приверженцы старых порядков не сидели сложа руки; грозила новая междоусобная война; необходимо было прервать это опасное брожение, занять умы каким-нибудь новым общим делом,

² Восстание самураев в префектуре Сага на севере острова Кюсю в феврале 1874 г. во главе с Это Симпэй, одним из лидеров консервативной революции *Мэйдзи исин*. Первое вооружённое выступление против нового режима было подавлено правительственными войсками и закончилось массовыми казнями, включая Это. Иностранные наблюдатели рассматривали его как «испытание на прочность» новой власти. — Прим. В.М.

которое, вместе с тем, доказало бы и пользу всех нововведений; а что могло быть удобнее для этого как не война, мщение за оскорблённую честь нации?» Аналогии опасны, однако вспомним известные — возможно, апокрифические, но зажившие собственной жизнью — слова российского министра внутренних дел В. К. Плеве, сказанные 29 лет спустя, в январе 1904 г.: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Говоря Бюцову в январе 1873 г. о возможной экспедиции на Тайвань, Соэдзима напомнил: «В людях для такого предприятия недостатка у нас нет; есть тысячи бывших княжеских вассалов, которые жаждут случая обнажить саблю и показать своё удалство» [Хохлов, 1993, с. 126]. В то время в правительстве обсуждался план военного похода в Корею, в том числе с целью «занять делом» бывших самураев, лишённых привилегированного статуса и фиксированного содержания, но большинством голосов он был отвергнут. В оппозицию ушли сторонники внешней экспансии — сам Соэдзима, министр юстиции Это Симпэй, ставший во главе восстания в Сага, и военный министр Сайго Такамори, поднявший оружие против правительства в 1877 г. Таким образом, к моменту интервенции на Тайване изменилась прежде всего ситуация внутри Японии.

В следующий раз Тайвань попал в поле российских военных аналитиков двадцать лет спустя — в связи с японо-китайской войной, по результатам которой остров сменил хозяина. 18/30 сентября 1895 г. в Тяньцзине военный агент в Китае и Японии подполковник Константин Ипполитович Вогак (1859–1923, в эмиграции), служивший в должности с начала 1893 г. и в течение войны находившийся в японской действующей армии, составил очередное донесение. Оно представляло собой почти дословный перевод на русский язык статьи «Как надлежит усмирять остров Тайвань» из японской газеты «Ничи-ничи» (в принятой ныне транскрипции «Нити-нити») от 4 и 5 сентября 1895 г., приведённый без комментариев. Вводя документ в научный оборот, В. Ц. Головачёв отметил: «Донесение К. И. Вогака свидетельствует о том, что официальные представители России в странах Восточной Азии внимательно следили за событиями в Китае и Японии, в частности, за усилением Японии и развитием событий, связанных с аннексией Тайваня. При этом они старались (вполне успешно для условий того времени) сообщать в Россию самую оперативную и полную информацию «из первых рук», включая новейшие публикации официальной японской прессы» [Головачёв, 2015, с. 114–115]. В 1896 г. Вогак был произведён в полковники и назначен военным агентом только в Китае, оставаясь в должности до середины 1903 г. и получив в 1900 г. чин генерал-майора; после назначения в 1905 г. военным агентом в Лондоне дальневосточными делами более не занимался [Басханов, 2005, с. 52–53].

Одну из первых российских работ о японо-китайской войне оперативно подготовил поручик Иосиф Владиславович Ржевуский (1870–1933, в эмиграции). Она интересна не кратким описанием «замирения» острова [Ржевуский, 1896, с. 70–71], но подведением итогов войны и послевоенной перекройки карты региона в стратегическом и отчасти геополитическом плане [Ржевуский, 1896, с. 71–73] (далее цит. по этому источнику без ссылок). На локальном уровне аналитик отметил: «Так как китайское влияние на о[строве] Формозе распространялось только на северный и западный берег его, а малайские племена, населявшие внутреннюю часть и восточный берег острова, только номинально находились под властью китайцев, то пройдёт ещё немало времени, прежде чем японцы завладеют всем островом и будут пользоваться плодами своих трудов». Прогноз оказался верным. Отметим и констатацию факта, что цинский Китай не контролировал весь остров — к этому аргументу Япония пыталась прибегать в начале 1870-х годов.

Заслуживают внимания выводы обобщающего раздела «Значение войны», выходящие за пределы тайваньского вопроса. «Хотя война Японии с Китаем и не произвела никакого переворота, но она имеет громадное значение для культуры и могущества Восточной Азии. Европа с давних пор привыкла смотреть на Японию и Китай как на государства некультурные; даже усвоение

Японией за последние тридцать лет европейской цивилизации мало обращало на себя внимания. Минувшая война показала, что Япония достигла замечательного развития в культурном отношении. Её государственный строй, экономическое состояние, армия дают ей право стать в ряду европейских государств. Могущество, которого она достигла в такой короткий срок и которое доказала в войне с Китаем, не позволяют её игнорировать, особенно России, для которой она теперь является опасным соседом на востоке». Ржевуский правильно понимал стратегические цели Японии — добиться не только равноправия с партнёрами, но и членства в «клубе великих держав», для чего в то время было необходимо обладать колониями.

Значение Тайваня как японской колонии проанализировал капитан Генерального штаба Вячеслав Александрович Карликов (1871–1937, расстрелян), участвовавший в подавлении «боксерского» восстания 1900 г. в Китае и служивший в Азиатской части Главного штаба [Басханов, 2005, с. 104]. В «Очерк территориальных захватов европейцев у Китая и современное состояние отнятых областей» он включил и Формозу [Карликов, 1903, с. 41–51] (далее цит. по этому источнику без ссылок), тем самым приравняв Японию к «европейцам» (обратим внимание). Уже в начале обзора, предвзя «справку» об острове, он отметил, что японское «императорское правительство с некоторых пор особенно интересуется этой колонией, которая, помимо своей экономической роли, может быть призвана, по своему географическому положению, иметь немаловажное и политическое значение».

Первым среди российских аналитиков Карликов оценил деятельность четвёртого генерал-губернатора острова генерала Кодама Гэнтаро (1898–1906), с которым, как и с его «правой рукой» — гражданским губернатором Гото Симпэй, связаны начальные и принципиально важные успехи японской политики на Тайване. «Предшественники генерала Кодама не имели определённого плана, и к приезду нынешнего губернатора на Формозе царил неурядица». Это не совсем верное утверждение соответствовало образу, который исподволь создавали Кодама и Гото, однако до вступления «тандема» в должность японским властям на острове действительно не хватало стратегического видения. Основное внимание в обзоре Карликов уделил экономическим аспектам развития острова, отмечая его успехи, а среди военных отметил лишь работы по модернизации и укреплению порта Цзилун.

Складывается представление, что до русско-японской войны российские военные аналитики не задумывались о военно-стратегическом значении Тайваня в рамках баланса сил в регионе. Сделанное в декабре 1904 г. «китайским адмиралом Каном» российскому военному агенту в Китае генерал-майору К. Н. Дессино предложение поднять — на российские деньги — антияпонское восстание на острове при приближении к нему Балтийской эскадры было встречено специалистами по Китаю с интересом, однако не получило развития в силу неизвестности «адмирала Кана», в котором заподозрили авантюриста [Чигринский, 1992]. Даже после русско-японской войны отечественная аналитика продолжала уделять преимущественное внимание экономическому развитию и потенциалу первой японской колонии. обстоятельный военно-стратегический и геополитический анализ роли Тайваня будет дан в России только в советский период.

Литература / References

[Б.п.] Дела на Формозе. *Всемирная иллюстрация*. 1874. № 298. С. 179 [N.a. Formosan Affairs. *Vsemirnaya Illyustratsiya*. 1874. No. 298. P. 179 (in Russian)].

Головачёв В. Ц. Роль этнической политики в ранних японских планах «усмирения» Тайваня (по статье из официальной газеты «Ничи-Ничи» от 4 и 5 сентября 1895). *XLV научная конференция «Общество и государство в Китае»*. Сборник докладов. Ч. 1. М., 2015. С. 105–116 [Golovachev V. Ts. Place of Ethnic Policy in Early Japanese Plans of Taiwan 'Pacification' (According to Nichi-Nichi Gazette Dated September 4 and 5, 1895). *XLV Academic Conference "Society and State in China". Abstracts of Papers*. Part 1. Moscow: IV RAN, 2015. Pp. 105–116 (in Russian)].

Головачёв В. Ц. «Экскурсия на Формозу». Этнографическое путешествие П. И. Ибиса. М.: Весь мир, 2019 [Golovachev V. Ts. "Excursion to Formosa". *The Ethnographic Trip by Pavel Ibis*. Moscow: Ves' Mir, 2019 (in Russian)].

Головачёв В. Ц. «Остров именем Фромоза»: этнополитическая история Тайваня XVII–XXI вв. М.: ИВ РАН, 2024 [Golovachev V. Ts. "Island Named Fromosa": *Ethno-Political History of Taiwan in XVII–XXI c.* Moscow: IV RAN, 2024 (in Russian)].

Головачёв В. Ц., Емелин А. Ю. Отчёт капитан-лейтенанта В. А. Терентьева о посещении Формозы и публикации российской прессы о японской военной экспедиции 1874 г. *Россия и АТР*. 2026. № 2 [Golovachev V. Ts., Emelin A. Yu. Lt. Commander V. A. Terentyev's Report on His Visit to Formosa and the Russian Periodicals' Publications about the 1874 Japanese Military Expedition. *Rossiya i ATR*. 2026. No. 2 (in Russian)].

Карликов В. А. Очерк территориальных захватов европейцев у Китая и современное состояние отнятых областей. СПб.: [б. и.], 1903 [Karlikov V. A. *Essay on the Territorial Seizures of China by Europeans and the Current State of the Taken Regions*. St. Petersburg: [n. p.], 1903 (in Russian)].

Молодяков В. Э. Эдмон Плошю — французский апологет японской колониальной экспансии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3 (21). С. 23–28 [Molodiakov V. E. Edmond Plauchut — French Apologist of the Japanese Colonial Expansion. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2022. No. 3 (21). Pp. 23–28 (in Russian)].

Молодяков В. Э. Японская интервенция на Тайване (1874) в контексте колониальной экспансии «великих держав»: Эдмон Плошю и его книга «Армии цивилизации» (1876). *Уральское востоковедение*. 2023. Вып. 13. С. 49–55 [Molodiakov V. E. The Japanese Intervention in Taiwan (1874) in the Context of the Colonial Expansion of the "Great Powers": Edmond Plauchut and His Book "Armies of Civilization" (1876). *Ural'skoe Vostokovedenie*. 2023. Issue 13. Pp. 49–55 (in Russian)].

Ржевуский И. В. Японо-китайская война 1894–1895. СПб.: М. М. Ледерле, 1896 [Rzhevusky I. V. *Sino-Japanese War of 1894–95*. St. Petersburg: M. M. Lederle, 1903 (in Russian)].

Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. Автор-составитель М. К. Басханов. М.: Восточная литература, 2005 [*Russian Military Orientologists before 1917. Biographical-Bibliographical Dictionary*. Baskhanov M. K. (comp.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005 (in Russian)].

Тодер Ф. А. Тайвань и его история (XIX в.). М.: Наука, 1978 [Toder F. A. *Taiwan and Its History (XIXth century)*. Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].

Хохлов А. Н. Исторические связи России с Тайванем (до 1917 г.). *Проблемы и перспективы развития неправительственных связей между Россией и Тайванем*. М. [б. и.], 1993. С. 123–138 [Khokhlov A. N. Historical relations of Russia with Taiwan (up to 1917). *Problems and prospects of the development of non-governmental relations between Russia and Taiwan*. Moscow [n. p.], 1993. Pp. 123–138 (in Russian)].

Чигринский М. Ф. Тайвань в политике держав. (Об одной несостоявшейся акции периода русско-японской войны). XXIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Часть II. М.: ИВ РАН, 1992. С. 57–60 [Chigrinsky M. F. Taiwan in the Politics of Powers. (About an Unfulfilled Action during the Russo-Japanese War). XXIII Academic Conference "Society and State in China". Abstracts of Papers. Part II. Moscow: IV RAN, 1992. Pp. 57–60 (in Russian)].

Garnot, le capitaine. *L'expédition française de Formose (1884–1885)*. Paris: Librairie Ch. Delagrave, 1894.

Gordon L. H.D. *Confrontation over Taiwan. Nineteenth-Century China and the Powers*. Plymouth UK: Lexington Books, 2007.

Reboul G., le lieutenant de vaisseau. École supérieure de guerre navale. *Les expéditions contre Formose. (Japonais, 1874 — Français, 1884–85 — Japonais, 1895)* [Paris: n. p.,] 1924. Paris: Hachette, 2022.